

Ю. А. Разинов

Город-лабиринт*

Те, кому выпала судьба жить в больших городах, знают, что город — это мегалабиринт со множеством улиц, перекрестков, тупиков, домов, комнат и коридоров. Наталкиваясь на естественные границы роста, стремящиеся вширь города уходят под землю, образуя хтоническую часть лабиринта. Линии метро, подземные переходы, многоуровневые автопаркинги и гаражи, уже непосредственно интегрированные в дома, вокзалы и магазины образуют бесконечно ветвящуюся сеть каналов. Для ориентации и целенаправленного движения в них жителям, как летчикам и мореходам, нужны навигационные приборы: кнопки лифта, говорящие «вверх» или «вниз», сигналы светофора, указывающие «прямо», «налево» или «направо», подсвеченные вывески «вход» и «выход», всевозможные указатели, схемы, карты и путеводители. Без них жителю современного мегаполиса легко заблудиться. Неоновый свет фонарей и рекламы уже затмил звездное небо, от чего в лабиринте ночного города легко путаются его надземная и подземная части.

Как способы организации жизненного пространства город и лабиринт изоморфны друг другу. Это подобие заключается в том, что и тот и другой представляют собой сложно артикулированные топосы, а именно: являются местами *удлинения и усложнения пути* и вместе с тем *структурами мобилизации*. Город, как и лабиринт, втягивает нас в структуру мобильного существования. Это гигантский муравейник, жизнь в котором протекает в постоянной сутолоке, суете и движении. Направляя это движение, город формирует своеобразный *канализованный номадизм*, феноменами которого являются досужее фланерство, растерянное блуждание и скитание по городским кварталам. Современный мегаполис создает невероятные возможности для быстрой перемены мест, ставя его обитателей в ситуацию постоянного выбора судьбы. К месту сказать, что и сама судьба чаще всего символи-

* Статья выполнена в рамках Президентского гранта поддержки научных школ НШ-1451.2008.6.

зируется как путь в лабиринте — путь, сопряженный с поиском цели, выбором направлений, распадом и обретением жизненной перспективы.

Данное обстоятельство заставляет рассмотреть отношение между городом и лабиринтом, причем двояким образом. С одной стороны, мы имеем дело с изоморфизмом пространственных объектов, а с другой — отношение между объектом и символом, где лабиринт — это символ. Притом, что само это отношение может быть осложнено различием *знака и символа*, которое в свое время было проведено М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским в совместной работе «Символ и сознание». Суть этого различия сводится к тому, что знаки отсылают к *предметам* и в этом случае что-то обозначают, в то время как символы отсылают к *сознанию* и в этом отношении являются генераторами смысла. Оперирование знаками осуществляется в рамках дуализма «знак-обозначение» и характеризует ситуацию *знания* («я знаю, что это значит»). Использование же символов устраняет дуализм знака и того, что им обозначается, и характеризует ситуацию *понимания*. Проблема состоит в том, что «все символы «означиваются», т. е. включаются в наш режим автоматического оперирования знаками, которому природно не принадлежат. Внутри знаковых систем они *десимболизируются*, т.е. теряют свое непосредственное «сознательное» содержание и превращаются в знаки, строго говоря, «неизвестно чего», потому что как символы они имели весьма определенную ориентацию, а мы их превращаем в знаки в нашем позитивном рассмотрении»¹.

В качестве иллюстрации данного различия разберем любопытный археологический артефакт. Существует изображение лабиринта, рядом с которым по-гречески написано: «Троя». С одной стороны, Троя, как и Вавилон, является символом *города вообще*, причем не только древнего, о чем красноречиво говорят такие выражения, как «русская Троя» или «английский Вавилон». С другой стороны, сама Троя — мифический или реальный город — символизировалась как

¹ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом языке. Иерусалим: Малер, 1982. С. 110.

лабиринт. При этом изображение лабиринта — классический семиповоротник — и есть знак, эмблема лабиринта. Иными словами, создатель артефакта *знал*, как следует изображать лабиринты. Но при этом ему была доступна еще и многослойная символическая связь, где лабиринт символизировал город как оберегаемый священный мир.

Эта многоуровневая, но почти забытая связь лабиринта с городской цитаделью, которая представлялась древнему человеку священным центром, моделью мироздания, местом рождения и смерти, топосом блуждающего перехода и разрешения судьбы, сохранила следы в метафорическом языке. В длинном списке метафор мы находим: воздушные лабиринты, лабиринты снов, теней, отражений, звездного неба, познания, жизни, смерти, страстей, эволюции, генетики, экономики, власти и т. д., даже лабиринт финансового кризиса, в котором теперь блуждает весь мир в поисках пресловутого выхода. Явно избыточная конвертация лабиринта в символ *чего угодно* — признак того дефицита символов, с которым столкнулась современная цивилизация². Ничем не ограниченная конвертация символов в знаки и редукция усилила понимания к автоматизму знания привели к тому, что реликтовые символы, выжившие в конкурентной борьбе со знаками, вынуждены теперь работать с предельной нагрузкой.

Осмыслению символической связи города и лабиринта может поспособствовать установление корреляции между историческими трансформациями городского пространства и эволюцией самого символа лабиринта. Для этого обратимся к

² О таком дефиците пишут авторы «Символа и сознания»: «Есть один чрезвычайно интересный факт, повсеместно наблюдаемый в современной цивилизации: “недостаток символизма”. Повидимому, мы живем в такое время (или: “мы такие”), когда мало символов для нашего собственного оперирования и потребления» (Указ соч. С. 109–110).

³ См.: Разинов Ю. А. На пути к минотавру: к семантике лабиринта // Философия. Общество. Культура : сб. науч. статей, посвященный 70-летию проф. В. А. Конева. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 277–287; Разинов Ю. А. Тесей с мечом и клубком ниток в сетях Ариадны (заметки на полях пьесы В. Пелевина) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. □ 2(4). С. 54–65.

предложенной мною типологии лабиринтов³, ибо она достаточно строго соответствует основным этапам развития города.

Речь может вестись, по крайней мере, о трех разновидностях лабиринта, каждая из которых может служить моделью города, а в более широкой корреляции — моделью или символом мироздания вообще. Можно также иметь в виду и сам город как модель и символ мироздания.

Первая разновидность — это древний *мистериальный*, иначе говоря, *космологический* лабиринт, лабиринт-святилище, представляющий собой концентрическую семиповоротную спираль с четко выраженным сакральным центром. Такой лабиринт обладал одним входом, который одновременно служил выходом. Движение в спиралевидном лабиринте осуществлялось в одном направлении: *от входа к центру и обратно*, и поэтому в нем в принципе нельзя было заблудиться. Центральная часть лабиринта, очевидно, была связана с неким таинством, поэтому там мог располагаться агент мифического события, например, Минотавр. Функция мистериального лабиринта была связана с обрядами инициации и освящалась соответствующими героическими мифами. Центральным сюжетом этих мифов было превращение юноши в мужчину-воина, т.е. радикальная экзистенциальная метаморфоза, вызванная событием символической смерти и заново-рождения. Данный лабиринт является символом завершеного культурного пространства, организованного как циклическое воспроизведение судьбоносного (священного) события (смысла).

Вторую разновидность представляет *лабиринт-апория*. Это «классический» многоходовый и запутанный лабиринт со множеством тупиков и ловушек. Данная номинация связана с тем, что движение в таком типе лабиринтов связано с определенными трудностями. Это пространство блуждающего перехода, а само блуждание связано с перебором возможных путей в поисках пресловутого выхода (цели). Это лабиринт-головомломка, но в то же время, и экзистенциальная апория, если речь идет о реальном, а не виртуальном присутствии в «теле» лабиринта. Мистериальный центр здесь либо полностью исчезает, либо теряет значение. Лабиринт-апория имеет предельный контур, расширение которого только ус-

ложняет его структуру. Данный тип лабиринтов символизирует десакрализованное пространство интеллектуального поиска целей (рационально выявляемого смысла) путем преодоления ошибок и заблуждений.

Третью разновидность я называю *лабиринтом-ризомой*, а ризома представляет собой бесконечно разомкнутую сеть. В отличие от второй модели, в ризоме как таковой исчезает предельный контур, а вместе с ним и сама задача поиска выхода (цели). В ризоматическом лабиринте вообще относительным становится само различие входа и выхода: таковым может быть любой узел сети. Лабиринт-ризома изоморфен пространству текста и особенно гипертекста. Сходство данной модели с лабиринтом-апорией состоит в отсутствии единого мистериального центра, а значит, и агента мифологического события. Примером такого лабиринта может служить сетевой чат, например, тот, что создан фантазией В. Пелевина в его «Шлеме ужаса». Это в большей степени виртуальный лабиринт, созданный болтовней юзеров, каждый из которых скрыт под определенным ником. Несмотря на то, что среди них фигурируют Тесей и Ариадна, никто не знает, кто за ними стоит и кто является действительным автором речи. Минотавр вообще фигурирует всего лишь как тема чата, по поводу чего один критик написал рецензию с едким названием «Минотавр сдох, Пелевин погиб при выполнении литературного задания». Лабиринт-ризома символизирует принципиально разомкнутое пространство смысла, ставшее ареной постмодернистской игры и коммуникации всех со всеми.

Попробуем установить корреляцию между городом и лабиринтом в свете предложенной типологии, за которой проглядывает более общая корреляция с той или иной моделью мироздания.

Древние города, как и мистериальные лабиринты, строились по модели *космологической спирали*: имели ярко выраженный сакральный центр и радиально-концентрическую структуру улиц. Данная модель организации пространства символизировала *космологическую завершенность городов-лабиринтов, их целостность и органичность*. Храмовый комплекс, кремль или замок — городские доминанты — концентрировали и как бы закручивали вокруг себя спираль городской жизни.

М. Элиаде где-то утверждал, что одно из предназначений лабиринтов — это охранение мистического центра. Центр же необходимо понимать как некую точку сборки и сообщения миров — сакрального и профанного, например, мира живых и мира усопших. С этой точки зрения немаловажно, что лабиринты являлись преддверием царских гробниц, поскольку считалось, что злым духам труднее проскочить в этот мир извилистым путем. Город строился вокруг сакрального, оберегающего, а потому оберегаемого центра. Первоначально город — это городище, крепость.

Разрастание города превращало оберегаемый мистический центр в *цитадель*. В переводе с итальянского *cittadella* буквально означает «маленький город», т. е. город внутри большого города. В традиционном городе — это кремль, замок, укрепленный храмовый комплекс монастыря, словом, внутригородская крепость, служащая для охраны сакрального центра. Как правило, это несколько колец крепостных стен, разделенных перегородами, отсечками и тупиками, образующие настоящий лабиринт. В цитадели, таким образом, воплощена идея архаического лабиринта, которая состояла в удлинении и затруднении пути к сакральному центру.

Центр цитадели, как правило, сам представлял собой внутреннюю крепость. Ею могла быть центральная башня или главная церковь, которые являлись последним оплотом обороны от внешнего врага. На Руси такая внутренняя крепость называлась «детинцем», что с большой вероятностью указывает на то, что там могли укрываться дети, в то время как практически все взрослое население обороняло подступы. Последнее обстоятельство порождает аналогию с легендарным критским лабиринтом, который, по всей видимости, являлся цитаделью столицы царства Миноса, а именно там, согласно мифу, последний укрывал своего незаконнорожденного сына — Минотавра. Стоит также напомнить, что в жертву Минотавру приносились несовершеннолетние юноши и девушки, что только подчеркивает инициальный характер мифа о критском лабиринте.

Итак, жизнь традиционного города и его иерархическая структура были организованы вокруг единого смыслового доминирующего центра — цитадели, являющейся неким го-

родским эйдосом — порождающей моделью для «внешнего» города. Связь с этим центром постоянно воспроизводила город как живой организм. Цитадель выступала источником силы, власти (светской или духовной), центром знания, ценностей и т. п. Соответственно все дороги, как бы они не петляли, вели либо к этому центру, либо прочь от него — на задворки, на выселки за пределы городской стены, на границу полиса.

Утрата цитаделью статуса мистического центра в ходе модернизации города постепенно разрушает его целостную космологическую структуру. Реликтовый центр сохраняется, но теряет свое градообразующее значение. Жизнь города начинает центрироваться сначала вокруг фабрик, затем — деловых и развлекательных центров, которые как бы «выносятся» городскую жизнь за пределы цитадели, оставляя ее любителям древностей и ценителям искусств. Мегаполис перекраивает жизненное пространство, подчиняя его другим ритмам. Расползающиеся транспортные магистрали, промзоны и спальные районы превращают город в пространственную апорию. Расширение предельного контура вкуче с распадом городской перспективы и дезинтеграцией городских микрорайонов превращают город в однородное пространство запутанных переходов. В этом смысле современный мегаполис «повторяет» судьбу тупикового лабиринта-апории, который из машины предельной концентрации превращается в место рассеянного и досуужего блуждания, топос затерянности и одиночества.

Башни обзора, карты-путеводители, схемы проезда в наземном и подземном транспорте, казалось бы, призванные восстановить городскую перспективу, на самом деле являют-ся симптомами ее глубокого распада. Особенно в больших городах, и особенно в ночное время, где даже небо перестает быть фактором перспективного зрения. В этой связи еще в начале века Зиммель писал о повышенной нервозности как об основном психологическом фоне большого города, а Бодрийяр затем в том же смысле писал о ненависти.

Перманентный невроз — спутник жизни больших городов. Распад перспективного видения, который имеет место в любом лабиринте, отсутствие доминант и предельная концентрация психических существ порождают множество не-

рвных заболеваний и городских фобий. В этой связи весьма красноречиво выражение А. Секацкого, который, имея в виду каменное небо Петербурга, назвал этот город «крупнейшим шизополисом мира». Город, выстроенный как лабиринт-апо-рия, имеет структуру бреда. А что такое бред? Это чрезвычайно запутанный лабиринт образов, потоков речи, побуждений и эмоциональных переживаний. Бред — это блуждающее пребывание в тупике. Кстати, слова «бред», «бредовый» имеют значение «непроходимый». В словаре Фасмера «брести» означает идти по бездорожью, в грязь, в топь, в брод, т. е. пребывать в затруднении, в апории. Давно замечено, что чем больше город, тем больше в нем сумасшедших и, уж точно, носителей бредовых идей. Бред величия спалившего Рим императора Нерона в этом смысле соразмерен величине города. Стоит признать, что жителям городов, имеющих пространственную разрядку в виде моря, реки, озера, гор или, просто, чистого неба над головой, повезло значительно больше, нежели тем, кто постоянно зажат в каменном мешке.

Формирующиеся в ходе промышленной революции большие города постепенно срстаются с пригородами, образуя весьма сложный конгломерат малых городов, районов, поселков и промышленных зон. Связывающие их между собой транспортные сети разрывают ранее локализованное городское пространство, превращая его во фрактально расширяющуюся сеть. Растущий мегаполис безудержно вбирает в себя чужеродные элементы, формируя внутренние пустоты в виде «ветхого жилого фонда» в исторических центрах города или в виде лесных массивов, пустырей и даже неизжитых (читай: «недобитых») деревень на окраинах. Современный город в некоторых чертах становится или уже стал ризомой. Ризома — бесконечно ветвящаяся сеть, в которой нет центральной оси, ствола, стержня, т. е. объективно заданных ориентиров и координат. В современном городе каждый создает их для себя сам, организуя перформативные сообщества, перемещаясь из одного места в другое, связываясь благодаря средствам коммуникации одновременно со множеством мест.

Внутренние пустоты, формирующиеся в процессе разрастания и слияния городов, сшиваются скоростными магистралями, в силу чего пространство города перестает быть сколь-

нибудь обозримым и человекообразным. Жизнь распадается на очаги, которые затем ризоматически стягиваются всеми видами коммуникации. Средства наземного, и особенно подземного транспорта, позволяют войти в одну точку города и относительно быстро выйти в другой: в этом смысле развитие транспорта есть прямое отрицание городского пространства. Особенно показательна в этом отношении роль метро. Станции метрополитена фактически стали узловыми центрами мегаполиса, своего рода городскими цитаделями. Здесь строятся большие супермаркеты, развлекательные и пищевые центры, завязываются новые узлы новых сетей — сначала радио и телефона, а затем Интернета.

Если традиционный город был городом пешеходов и в этом смысле имел экзистенциальную размерность: был буквально промерен шагами, то современный мегаполис — это сетка транспортных коммуникаций. Это в большей мере город автомобилиста — человека, который все время движется по магистралям, автобанам, развязкам, который находится в потоке машин, и этот поток вкуче со светофорами и знаками дорожного движения, представляет собой основную часть его городского ландшафта. Поэтому наиболее актуальным вопросом становится не вопрос «где это находится?», а вопрос «как туда проехать?». Сегодня автомобилист готов часами стоять в пробках, искать подъездные пути и место для парковки вместо того, чтобы, затратив какие-нибудь десять минут, пройти до цели пешком. Если добавить к оснастке его автомобиля GPS-навигатор, бортовой компьютер, телевизор и радио-приемник, то получится автономный передвижной узел в ризоматической цепи. Такому автомобилисту уже не нужны городские ориентиры: он, как летчик, ориентируется по навигационным приборам. Его город — это город, очертания которого смутно проступают из-за тонированного стекла, это город, населенный какими-то странными существами, называемыми «пешеходами», живыми фишками, которые нужно объезжать, которым нужно уступать дорогу, которые постоянно норовят попасть под колеса. Но и пешеходы уже давно движутся в канализированном пространстве лифта, эскалатора, подземного перехода или общественного транспорта.

Город становится все более эфемерным образованием, состоящим из ризоматической стяжки узлов: дом — парковка —

дорога — офис — супермаркет с подземным паркингом — дорога — парковка — дом. Эфемерным он становится еще и в том смысле, что границы города растворяются в коммуникативных цепях. В них перформативно возникают новые городские центры, которые существуют короткое время и исчезают как таковые, как только заканчивается перформативный акт. Такими центрами становятся футбольные стадионы на время важного матча или загородные парки на время праздника. На несколько часов городские окраины превращаются в перформативные цитадели, а ведущие к ним улицы — в задыхающиеся от пробок и людских потоков транспортные артерии. Однако эти центры не субстанциальны, не объективны, ибо другие жители в это время также перформативно создают свои города.

В этой связи можно заключить, что ризома как модель нового миропорядка отрицает город как локализованное пространство. Точно так же она отрицает лабиринт как привилегированный топос, интегрированный в жизненное пространство человека. Ибо если все является лабиринтом, то в чем его смысл? Если из одного города я в одночасье перемещаюсь в другой, то что такое город? Иными словами, город-ризома является видом, который, как ни странно, отрицает свой род.